

Об объективных и субъективных факторах битвы за Москву

А. В. Исаев*

Советское контрнаступление под Москвой в декабре 1941 г. — апреле 1942 г. часто выступает в роли сражения упущенных возможностей. Иногда утверждается даже, что Ржевско-Вяземская операция советских войск является провальной¹. Разумеется, упущенные возможности персонифицируются: в качестве упустившего свой шанс на успех называют командующего Западным фронтом Г. К. Жукова. Прежде всего следует отметить, что в качестве упущенных возможностей и «провальных» результатов фигурирует невыполнение достаточно амбициозных задач, поставленных командованием перед войсками Западного и Калининского фронтов. Соответственно сразу встает вопрос о правильности и обоснованности постановки этих задач Ставкой.

Собственно, именно в такой форме ставился вопрос о действиях советских войск в зимней кампании 1941/42 г. в мемуарах военачальников. Если несколько формализовать утверждение об успехе и неуспехе операции, а также абстрагироваться от самой выполнимости сформулированных Ставкой ВГК и Генштабом задач, то можно говорить о достижении решительного результата в наступлении советских войск. Решительным результатом здесь может быть разгром крупных сил противника в результате окружения либо освобождение значительной территории. С этой точки зрения решительного результата в ходе Ржевско-Вяземской операции достигнуто действительно не было.

Однако важнейшим вопросом в этом случае становится анализ причин ограниченных успехов

наступлений Западного и Калининского фронтов. Является это следствием недостатка сил и средств или же речь идет о просчетах военачальников в использовании имеющихся резервов? Разумеется, те или иные просчеты командиров и командующих являются неизменным спутником любых сражений. Поэтому имеет смысл говорить о месте и роли каждого из действующих факторов. Иными словами, насколько значимыми для развития событий было соотношение сил, мастерство командиров и командующих, а также череда других факторов, вплоть до погодных и природных условий включительно.

Сравнение соотношения сил сторон, несомненно, является важнейшим фактором, определяющим исход сражений и операций. По этому показателю советское контрнаступление зимы 1941/42 г. является аутсайдером в ряду стратегических наступательных операций Красной Армии. Согласно новейшим данным, войска Западного и Калининского фронтов насчитывали 1 059 200 человек². При этом личный состав дивизий, бригад, отдельных лыжных, пулеметных и танковых батальонов Калининского, Западного и Брянского фронтов составлял на 1 января 1942 г. 752 173 человека. Среднемесячная численность немецких полевых и танковых армий группы армий «Центр» в январе 1942 г. в сумме составляла 895 332 человека. То есть превосходство Красной армии над противником в этот период было незначительным.

Наиболее успешные операции советских Вооруженных сил в ходе Великой Отечественной войны проводились при куда лучшим

* Алексей Валерьевич Исаев — историк, автор многих монографий о Второй мировой войне.

соотношении сил. Достаточно показательна в этом отношении операция «Багратион», проведенная летом 1944 г. на Западном направлении, против все той же немецкой группы армий «Центр». Всего к операции «Багратион» привлекалось 1 млн 211 тыс. человек в составе войск четырех фронтов: 1-го Прибалтийского фронта, 2-го и 3-го Белорусских фронтов и правого крыла 1-го Белорусского фронта. Эта цифра не учитывает армейских и фронтовых тылов, а также личного состава воздушных армий. Общая численность группы армий «Центр» тогда составляла около 800 тыс. человек, включая тыловые подразделения и части охраны тыла. Еще более яркую картину дает сравнение соотношения сил по бронетехнике. В составе группы армий «Центр» в июне 1944 г. было 553 танка и САУ, советское командование противопоставило им 4070 танков и САУ.

На 1 января 1942 г. в составе Калининского, Западного и Брянского фронтов насчитывалось 513 танков³. Действовавший в центральном секторе советско-германского фронта 6-й воздушный флот генерала Р. фон Грейма к началу операции «Багратион» имел 688 самолетов. При этом группу армий «Центр» поддерживало всего две группы одномоторных истребителей, 66 «мессершмиттов» на 31 мая 1944 г. (к 22 июня 1944 г. их количество упало до 40 машин). Привлекавшиеся к операции «Багратион» воздушные армии насчитывали 5675 самолетов, в том числе 2519 истребителей⁴. Комментарии, как говорится, излишни. Соотношение сил по любым мыслимым показателям летом 1944 г. было куда более благоприятным для советских войск, нежели в январе 1942 г.

Таким образом, бессмысленно было ожидать от Красной армии в Ржевско-Вяземской операции решительных результатов, достигнутых в «Багратионе». Конечно, здесь кто-то может апеллировать к тотальной некомпетентности советских военачальников. Однако ту же картину мы можем увидеть в Нормандии тем же летом 1944 г. 25 июля 1944 г. на плацдармах в Нормандии насчитывалось 812 тыс. американских и 640 тыс. британских и канадских солдат⁵. Им противостояли около 380 тыс. немецких солдат⁶. Союзники, таким образом, обладали даже большим численным преимуществом. Это, естественно, позволило добиться решительных результатов. Успешное развитие операции «Кобра» позволило союзникам в августе добиться окружения крупных сил немецких войск под

Фалезом. При этом нельзя сказать, что они добились лучших результатов, нежели Красная армия в «Багратионе». Более того, успех был достигнут союзникам только после целой череды неудачных наступлений во второй половине июня и первой половине июля 1944 г. Эти примеры показывают, что для достижения решительного результата необходимо было, как минимум, существенное превосходство над противником. В противном случае успех будет ограниченным.

Еще одним важнейшим действующим фактором зимней кампании 1941/42 г. было снабжение войск Красной армии боеприпасами. В еще секретном на момент издания исследовании «Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне» в 1958 г. указывалось: «Одной из важных причин незавершенности наступательных операций зимой 1941/42 г. явился испытываемый войсками действующей армии постоянный и острый недостаток боеприпасов и вооружения»⁷.

Этот недостаток объяснялся эвакуацией оборонной промышленности, вызванной захватом немцами промышленных районов на западе СССР. Только к концу декабря 1941 г. в основном были восстановлены мощности промышленности боеприпасов. Заводы заработали на новых местах, но медленнее других восстанавливались мощности пороховых заводов. Известный отечественный историк промышленности боеприпасов И. И. Вернидуб пишет: «В течение второго полугодия 1941 г. запасы боеприпасов основных артиллерийских калибров были почти полностью исчерпаны, а промышленность за это время изготовила 26 млн артиллерийских выстрелов, что составило 54% утвержденного ГКО планового задания. ... В четвертом квартале 1941 г. было произведено артиллерийских выстрелов на 20% меньше, чем в третьем квартале»⁸. Для смягчения «снарядного голода» был предпринят завоз части боеприпасов с Дальневосточного фронта, Забайкальского и Среднеазиатского округов. Однако к началу 1942 г. возможности перераспределения накопленных до войны ресурсов оказались исчерпаны.

Лучше всего реальная ситуация видна по реальному расходу боеприпасов войсками. Для сравнения взяты данные по Воронежскому фронту в августе 1943 г., в период проведения наступательной операции «Румянцев», и 1-го Белорусского фронта в апреле 1945 г., в период проведения Берлинской наступательной операции. Следует учесть, что Западный фронт в рас-

считаемый период насчитывал 710–750 тыс. человек, Воронежский фронт — 740 тыс. человек, а 1-й Белорусский фронт — 908 тыс. человек. Различалось, разумеется, и количество вооружения. Так, Воронежский фронт к началу операции «Румянцев» располагал 4591 единицей 82-мм и 120-мм минометов, 1808 45-мм и 57-мм противотанковыми пушками⁹. Западный фронт располагал 1910 единицей 82-мм и 120-мм минометов, 848 противотанковыми пушками калибром 45 мм и 57 мм. То есть расход во второй половине войны производился большим количеством стволов, и перед нами все же не механическое увеличение настрела на единицу вооружения.

По приведенным данным (см. табл.) хорошо видна существенная разница между расходом боеприпасов в декабре 1941 г., в первой фазе контрнаступления под Москвой, и в январе 1942 г., в начале Ржевско-Вяземской наступательной операции. Падает вдвое даже настрел боеприпасов к стрелковому оружию. Фактически накопленные для контрнаступления запасы к началу 1942 г. оказались исчерпаны. Расход боеприпасов в начале 1942 г. резко падает, соответственно с ним снижаются успехи советских войск.

Вместе с тем хорошо видна разница между зимней кампанией 1941/42 г. и кампаниями второй половины войны. Во-вторых примерно вдвое в масштабах фронта возрастает расход

45-мм снарядов, 76-мм снарядов к дивизионным пушкам, 82-мм минометам. Следует отметить, что, помимо борьбы с танками, 45-мм пушки широко использовались для стрельбы по «пехотным» целям осколочными снарядами. Больше всего, скачкообразно, возрастает расход мин к 120-мм минометам. Причем динамика сохраняется в ходе всей войны. Настрел 120-мм мин возрастает вдвое даже в период с 1943 г. по 1945 г. Соответственно, Красная армия и ее тактические единицы — батальоны, полки, — получили возможность устранять огнем встречающиеся на пути препятствия, в частности пулеметные гнезда противника. Всех этих возможностей не было у полков и батальонов соединений Западного фронта в наступательной фазе битвы за Москву.

К началу Ржевско-Вяземской операции, точнее, на 1 января 1942 г., Западный фронт располагал весьма умеренными запасами боеприпасов. Так, 76-мм выстрелов к дивизионным пушкам имелось всего 0,57 боекомплекта на орудие или 90,2 тыс. штук, 82-мм мин — 0,4 боекомплекта или 54,2 тыс. штук, 120-мм мин — 0,47 боекомплекта, или 5,5 тыс. штук. Если огневая система обороны не была полностью вскрыта к началу наступления и не поражалась гаубичной артиллерией в ходе артподготовки, то возможностей подавить не вскрытые огневые точки у частей Западного фронта было куда меньше, чем у частей Воронежского фронта в 1943 г.

Расход боеприпасов фронтами в различные периоды Великой Отечественной войны¹⁰

Тип боеприпасов	Западный фронт, декабрь 1941 г.	Западный фронт, 1–20 января 1942 г.	Воронежский фронт, август 1943 г.	1-й Белорусский фронт, апрель 1945 г.
7,62 винтовочные	45 410,6	21 250,6	43 804	56 614
7,62 ТТ и ППШ	6 648	2 451	45 100	57 928
45-мм пушечные	149,4	74,2	280,6	245,5
76-мм полковые	125,5	49,8	114,2	196,7
76-мм дивизионные	225,3	87,3	450,1 (+95 бронебойных)	958,5
122-мм пушечные	21,2	8,1	1,0	47,1
122-мм гаубичные	111,3	56,2	129,1	297,1
152-мм гаубичные	25,9	9,6	17,7	52,6
152-мм гауб.-пуш.	38,4	20,7	23,2	104,3
203-мм гаубичные	0,8	1,6	5,4	22,1
82-мм мины	308,8	106,5	723,8	1 229,7
120-мм мины	26,5	13,1	313,3	708,1

Напротив, немецкое командование располагало куда большими возможностями в использовании артиллерии. Командующий 4-й танковой группой Гепнер в телефонограмме командующему группы армий «Центр» еще 21 декабря 1941 г. высказал показательный тезис: «Артиллерия... является единственной защитой измотанных боями войск». Действительно, численность пехотных рот в войсках группы армий «Центр» значительно снизилась. Были также выбиты танки — к январю 1942 г. численность танкового парка упала практически до нулевой отметки. К 22 декабря 1941 г. в шестнадцати танковых дивизиях групп армий «Север» и «Центр» насчитывалось всего 405 боеготовых танков¹¹. Многие вышедшие из строя танки так и не были отремонтированы, их попросту бросили. «Панцертрuppen» — танковые войска Германии, — стали оживать только к февралю–марту 1942 г. Однако артиллерия танковых и пехотных дивизий германской армии еще сохраняла боеспособность. По расходу боеприпасов в начале 1942 г. она превосходила Красную Армию по крайней мере вдвое.

Усугублялась нехватка средств для подавления системы обороны противника несовершенством тактики пехоты Красной армии в зимней кампании 1941/42 г. В этот период еще не была отлажена тактика штурмовых действий, использование которых позволило советским войскам с умеренными потерями захватывать сильно укрепленные города и крепости Германии в 1945 г. Фактически зимой 1941/42 гг. тактика советской пехоты исходила из принципа «артиллерия разрушает — пехота занимает». В условиях нехватки боеприпасов артиллерии эта тактика раз за разом давала сбой. Следует отметить, что командующий Западным фронтом Г. К. Жуков уже в период битвы за Москву знал, что решение проблемы прорыва фронта лежит не только в плоскости концентрации артиллерии, но и в плоскости тактики штурмовых групп. Так, в одном из приказов командующему 50-й армией И. В. Болдину Г. К. Жуков писал: «Прорыв произвести сосредоточенными силами, не разбрасывая их на широком фронте; населенные пункты захватывать специально созданными штурмовыми отрядами; для быстрейшего продвижения главных сил использовать не занимаемые противником промежутки»¹².

Что такое штурмовые группы, было объяснено Георгием Константиновичем отдельным приказом. В нем, в частности, говорилось сле-

дующее: «Захват каждого опорного пункта поручать особому ударному отряду, специально отобранному, организованному и сколоченному, если нужно, с предварительной репетицией в тылу своих войск»¹³. Репетиции в тылу станут одним из краеугольных камней тактики штурмовых групп. Для этого будут даже строиться полномасштабные макеты оборонительных сооружений противника. Определялся также состав штурмовой группы: «...отряды должны быть вооружены автоматическим оружием, минометами, отдельными орудиями. В состав отрядов должны обязательно включаться саперы, огнеметчики и танки»¹⁴.

Однако то, что понимал командующий фронтом, понимали не все его командиры. Также одним из препятствий к полноценной реализации тактики штурмовых групп была нехватка боеприпасов к минометам и артиллерии средних калибров. Резюмируя вышесказанное, приходится констатировать, что достижению решительного результата советскими войсками в контрнаступлении под Москвой препятствовал целый ряд объективных факторов. Соотношение сил сторон по людям и технике, а также жестокий «снарядный голод» отнюдь не благоприятствовали амбициозным планам советского командования по разгрому группы армий «Центр».

Признавая наличие объективных неблагоприятных факторов, нельзя отрицать возможность влияния факторов субъективных, лежащих в плоскости оперативного искусства. Не было ли упущено каких-то возможностей разгрома немецких войск, каким бы чудом не казался такой разгром, исходя из объективных возможностей Красной армии? Обычно в подтверждение этого тезиса приводят цитату из работы бывшего начальника штаба 4-й армии Гюнтера Блюментрита «Московская битва» о чудесном спасении немцев под Москвой вследствие неверных решений, принятых лично Г. К. Жуковым. Блюментрит пишет следующее: «Что-то вроде чуда произошло на южном фланге 4-й армии. Нам было непонятно, почему русские, несмотря на их преимущество на этом участке фронта, не перерезали дорогу Юхнов — Малоярославец и не лишили 4-ю армию ее единственного пути снабжения. По ночам кавалерийский корпус Белова, который во второй половине декабря причинил нам так много беспокойства, продвигался в нашем глубоком тылу по направлению к Юхнову. Этот корпус достиг жизненно важной для нас коммуникации, но, к счастью,

не перерезал ее. Он продолжал продвигаться в западном направлении и скрылся где-то в огромных Богородицких болотах»¹⁵.

Мнение противника, безусловно, является весьма ценным для понимания ситуации в целом. Однако немецкие мемуаристы также могли преувеличивать возможности противника и занижать свои собственные. Кроме того, мало кто упускает случай беллетризовать повествование и усилить драматичность тех или иных моментов. Помимо процитированного фрагмента, в книге Блюментрита мы можем найти такие слова: «25 декабря штаб 4-й армии в самый последний момент переместился в Юхнов»¹⁶. В этой связи тезис о беззащитном Юхнове несколько бледнеет: глупо было бы перемещать штаб армии в незащищенную точку. Еще бледнее тезис о легко перерезаемой линии снабжения 4-й армии становится, стоит ознакомиться с описанными немецким военачальником контрмерами германского командования: «Был отдан приказ провести рекогносцировку новой линии обороны. Одна моторизованная дивизия уже выступила в район Юхнова»¹⁷.

Здесь Блюментрит допустил неточность и говорит о выдвигании к городу моторизованной дивизии, в то время как к нему выдвинули 19-ю танковую дивизию из центра построения 4-й армии. Моторизованная дивизия (10-я) прибыла позже. Взяли ее на сравнительно спокойном участке фронта: в начале декабря 1941 г. части 19-й танковой дивизии участвовали в вялом наступлении под Наро-Фоминском. Также довольно странно звучит тезис Блюментрита о расположении Юхнова в «глубоком тылу». К 25 декабря 1941 г. линия фронта проходила через Калугу, всего лишь в полусотне километров от Юхнова. Несмотря на все эти сведения, существенно изменяющие оценку обстановки даже глазами Блюментрита, критики Г. К. Жукова охотно используют вышеприведенную цитату. Так В. В. Бешанов пишет: «Даже по признанию германских генералов, положение под Юхновом складывалось исключительно удачно для наступавших. Группа Белова, уже достигнув Варшавского шоссе, имела все шансы, повернув на Медынь, окружить и уничтожить во взаимодействии с 43, 49 и 50-й армиями главные силы 4-й полевой армии генерала Людвиг Кюблера. В этот момент Жуков, которому окружения одной армии противника было недостаточно, и сотворил для немцев «чудо»: он приказал Белову наступать на Мосальск, а оттуда — на Вязьму.

Овладесть Юхновом поручалось 50-й армии генерала Болдина»¹⁸.

Однако не следует думать, что оценка юхновского эпизода строится исключительно на словах Блюментрита. Схожие оценки мы находим у некоторых мемуаристов, в частности бывшего командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса П. А. Белова. Он являлся непосредственным участником описываемых событий с советской стороны. Относительно «стоп-приказа» с поворотом от Юхнова на Мосальск в своих мемуарах П. А. Белов пишет следующее: «Нужно было прежде всего окружить и разгромить немецкие войска в районе Юхнова, занять или блокировать этот город. Тем самым мы успешно завершили бы рейд. После этого наши дивизии могли бы двигаться на Вязьму, не опасаясь за свой тыл. Обстановка требовала действовать именно таким образом. Но вскоре после того, как я отправил командующему фронтом план действий, был получен новый приказ. Он не только не учитывал выдвинутые мной доводы и соображения, но и во многом противоречил директиве от 2 января, полученной сутки назад. Этот приказ отразился впоследствии на боевых действиях не только моего корпуса, но и всего Западного фронта. Привожу его в полном виде: «Тов. Белову. От 3.1.42 г. Ваше решение о повороте главных сил группы против щелканово-посской группировки не отвечает оперативной обстановке и нашему плану в целом. Отход ваших главных сил от мосальской группировки противника даст возможность противнику быстро закрыть образовавшийся прорыв и организовать оборону. Приказываю:

1. Оставить часть сил против плоской группировки противника, а главные силы повернуть на Мосальск для уничтожения группировки противника в районе Мосальска и выхода западнее Юхнова. [168]
2. Против зубовско-посской группировки противника ударить 217 сд, действующей в районе Зубово. В этот же район выйдут 154 сд и 112 тд 50 А.
3. Ускорить выдвигание в Мещовск и Мосальск двух сд 10 А. Жуков. Хохлов. Соколовский».

Приказ удивил меня своей непоследовательностью. Во-первых, мое решение о повороте главных сил корпуса против щелканово-посской (то есть юхновской) группировки противника соответствовало полученной накануне директиве: она требовала уничтожить на первом этапе

юхновскую группировку гитлеровцев. Во-вторых, вызывал недоумение упрек за то, что будто бы мы отводим свои главные силы от Мосальска. При чем тут Мосальск? Мы не вели и не намеревались наступать главными силами на этот город, да никто и не приказывал нам этого. Против мосальской группировки гитлеровцев были выделены 239-я и 325-я стрелковые дивизии, переданные в мое подчинение из состава 10-й армии. Кроме того, противник в Мосальске не был в то время достаточно сильным, чтобы появилась необходимость повертывать на город еще и кавалерийские соединения. [...] Мы сделали еще несколько попыток убедить Военный совет фронта в том, что гораздо целесообразнее действовать так, как предписывала его же директива от 2 января. Мы имели прекрасную возможность обойти Юхнов слева, ввести через разрывы в боевых порядках противника у деревни Касимовки и в других местах по меньшей мере четыре кавалерийские дивизии. Перерезав Варшавское шоссе и повернув на Медынь, эти дивизии начали бы громить тылы и штабы немецких войск»¹⁹.

Если следовать только описанию событий конца декабря 1941 г. и первых дней 1942 г. с мим Беловым, то логики в действиях Г. К. Жукова действительно не просматривается. Развитие наступления кавалерийского корпуса представлено едва ли не победным маршем. Собственно, о боях под Юхновом Белов пишет: «Мы одну за другой освобождали деревни, выгоняя немцев на мороз. 2 января захватили юхновский аэродром. Несколько кавалерийских отрядов вышли на Варшавское шоссе, у деревни Касимовки, в восьми километрах юго-западнее Юхнова, освободив при этом около пятисот советских военнопленных, которых немцы намеревались угнать в Спас-Деменск»²⁰.

Авторский коллектив под руководством Маршала Б. М. Шапошникова в книге «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», вышедшей под грифом «Секретно» в 1943 г., тезис об особой успешности наступления 1-го гвардейского кавкорпуса не подтверждает. Действия корпуса П. А. Белова под Юхновом в этой работе описываются следующим образом: «Боевые действия войск группы генерала Белова после 31 декабря проходили в такой последовательности: находившаяся на правом фланге группы с задачей прорваться в юхновском направлении 41-я кавалерийская дивизия с 1 по 4 января вела бои на фронте Солопихино, Зубово. К тому же времени 57-я и 1-я гвардейская кавалерийские дивизии,

получившие такую же задачу, что и 41-я кавалерийская дивизия, с боями преодолевали рубеж Житеевка, Сухолом, Жеремесло (2 км западнее Сухолома), Куркино. Левофланговые 75-я и 2-я гвардейская кавалерийские дивизии наступали в направлении на Давыдово с целью выйти в район западнее Юхнова. К 4 января обе дивизии были остановлены противником на фронте Тибеки, Давыдово, Фошня, Петушки (2 км юго-восточнее Фошни), завязался огневой бой. 6 января немцы силою до трех пехотных полков при поддержке танков и авиации перешли в контратаку с фронта Озеро, Сулихово, Живульки и вынудили части левого фланга группы отойти на линию Давыдово, Фошня, Беклемищево. На этом рубеже завязался ожесточенный бой. Части 41-й, 57-й и 1-й гвардейской кавалерийских дивизий вели тяжелые бои на прежнем фронте. Войска кавалерийской группы испытывали недостаток боеприпасов. В связи с этим генерал Белов 7 января решил перейти к обороне».

Как мы видим, весомых результатов в боях на ближних подступах к Юхнову корпусу П. А. Белова достигнуть не удалось, и он вынужденно перешел к обороне. Более того, на левом фланге под воздействием контратаки немцев он был вынужден отступить. Картина, нарисованная в исследовании, подтверждается оперативными сводками Генерального штаба Красной армии. Первый раз группа Белова и город Юхнов встречаются на страницах оперсводок 30 декабря: «Опергруппа Белова, продолжая преследование отходящих частей противника в северо-западном направлении, к исходу 30.12 главными силами достигла района г. Юхнов». На следующий день оперсводка констатирует: «Опергруппа Белова развивала наступление в направлении г. Юхнов. Данных о положении частей к исходу 31.12 не поступало». В оперативной сводке на 8:00 2 января сказано «Опергруппа Белова вела бои за овладение г. Юхнов». На следующий день, 3 января 1942 г. положение кавалерийского корпуса Белова характеризуется следующим образом: «Опергруппа Белова вела упорные бои с крупными силами противника». 4 и 5 января то же самое: «Опергруппа Белова вела бои с частями прикрытия противника на юхновском направлении» и «Опергруппа Белова продолжала вести упорные бои с противником на Юхновском направлении». Только 7 января эта заезженная пластинка меняется на «Опергруппа Белова вела наступательные бои с противником на мосальском направлении».

Тезис П. А. Белова о том, что он мог взять Юхнов очередным обходным маневром представляется неубедительным. Он с вечера 30 декабря почти неделю без особых результатов пытался преодолеть оборону немцев под Юхновом. Перенос направления удара означал растягивание фронта, разрежение боевых порядков, что в схватке с активным и решительным противником было опасно. Уже 2 января 1942 г. не все соединения корпуса вели наступление, утренняя оперсводка Генштаба от 3 января гласит: «2 гв. кд, отражая атаки противника, вела бои на рубеже Любимово — Жилетово». Напротив, оперативная сводка ОКВ, датированная 2:00 3 января дышит оптимизмом: «Южнее г. Юхнов удалось потеснить противника на отдельных участках, отбит противник, атаковавший с юго-запада севернее Зубово». Зубово это населенный пункт под Юхновом. Кроме того, П. А. Белов умалчивает о том, что поворот на Мосальск состоялся не сразу после полученного 3 января приказа, а только 6-го числа.

Вполне логично, что для сохранения темпов операции Г. К. Жуков развернул застрявший на неделю под Юхновом кавалерийский корпус на новое направление, рассчитывая захватить Юхнов силами подходящей с востока 50-й армии И. В. Болдина. Не приходится сомневаться, что если бы 1-й гвардейский кавалерийский корпус оставили под Юхновом, то Г. К. Жукову впоследствии были бы предъявлены претензии в недостаточной гибкости ведения операции. Вместо душещипательной истории о «нелогичном» повороте на Мосальск были бы рассказы о «бессмысленных лобовых атаках» на Юхнов.

Смещение направления удара 1-го гвардейского кавалерийского корпуса не изменяло задач Западного фронта в целом. Просто Юхнов, оказавшийся более крепким орешком, чем предполагалось вначале, перепоручался подходившим с востока стрелковым соединениям 50-й армии И. В. Болдина. Директива Г. К. Жукова командующим 43, 49 и 50-й армиями № 0152/оп от 8 января 1942 г. гласила: «...командарму 50 — разгромить зубово-юхновскую группировку противника и не позднее 11.1 овладеть Юхнов; в дальнейшем, взаимодействуя с группой Белова, главными силами наступать в общем направлении на Слободка, Вязьма»²¹. В свою очередь, направления наступления войск Западного фронта и задачи фронта, как таковые, определялись Ставкой ВГК. Именно директивы Ставки оформили документально боевые действия под Москвой в январе—

апреле 1942 г. как попытку разгрома противника ударами по сходящимся направлениям Калининского и Западного фронтов.

Координатором действий двух фронтов Г. К. Жуков стал только в конце января 1942 г., а в его начале, когда, собственно, разворачивал Белова от Юхнова, он был лишь одним из игроков спланированного наверху зимнего наступления. Фактически приказы Жукова 50-й армии и 1-му гвардейскому кавкорпусу от 8 января были детализацией директивы Ставки ВГК от 7 января 1942 г.: «Командующему Западным фронтом: разгромить не позднее 11 января юхновско-мосальскую группировку противника, нанести главный удар — силами ударной группы т. Белова и 50-й армии на Вязьма и завершить окружение можайско-гжатско-вяземской группировки противника, во взаимодействии с войсками ударной группировки Калининского фронта»²².

Хорошо видно, что назначенная Жуковым дата захвата Юхнова 11 января 1942 г. есть не что иное, как проекция на подчиненных указаний Ставки ВГК. Впоследствии этот срок постоянно сдвигался, так как под Юхновом подошедшие к нему стрелковые соединения завязли в позиционных боях. Строго говоря, кавкорпус Белова не был повернут от конечной цели наступления: за поворотом примерно на 90 градусов на Мосальск последовал поворот на Вязьму также на 90 градусов. Фактически кавалеристы не меняли направление своих действий, а обходили крупный узел сопротивления немцев. Выход на тылы мосальской группировки противника был побочным продуктом этого маневра. Сам Юхнов войска 49-й армии заняли только 5 марта 1942 г. после тяжелых позиционных боев.

Однако драматично описанный в мемуарах эпизод с г. Юхновым является не единственной претензией к ведению Г. К. Жуковым Ржевско-Вяземской операции. Не так давно опубликован доклад полковника Генштаба К. В. Васильченко, датированный маем 1942 г. Он написал следующее: «Если бы Западный фронт сначала всем своим левым крылом (33, 43, 49, 50-я и гр. Белова) обрушился на юхновскую группировку, окружил бы ее и уничтожил, для чего по условиям обстановки предоставлялась полная возможность, а затем совместно с правым крылом при взаимодействии с Калининским фронтом мог бы ликвидировать сычевско-гжатско-вяземскую группировку противника. Но вместо этого Западный фронт погнался преждевременно за большими

целями, хотел одновременно разгромить гжатско-вяземскую, юхновскую, спас-деменскую, мятлевскую группировки противника, не имея для этого достаточных сил и средств. Действия Западного фронта уподобились действию растопыренными пальцами. Каждая армия имела свою ударную группировку, которая действовала на своем направлении без тесной увязки с соседями. Даже тогда, когда 43-я и 49-я армии были правильно нацелены для разрешения общей задачи по прорыву обороны противника с целью соединения с частями западной группировки 33-й армии, то и в этом случае не было налажено тесного взаимодействия между ними».

Нельзя не отметить, что доклад Васильченко был написан в мае 1942 г., еще до того, как стали «котлами» крупные ударные группировки Юго-Западного, Калининского и Волховского фронтов. Вторит Васильченко начальник разведки 1-го гвардейского кавалерийского корпуса А. К. Кононенко. Он также использует оборот речи «растопыренными пальцами», предъявляя Г. К. Жукову обвинения в распылении сил: «По плану Ставки в январе 1942 года Западный и Калининский фронты должны были наступать в общем направлении на Вязьму, нанося концентрический удар с целью окружить Гжатско-Вяземскую группировку немцев. Что же делает Западный фронт для того, чтобы выполнить такую задачу? Он максимально распыляет свои силы, наносит удар не одним мощным кулаком, а растопыренными пальцами, организует не один удар, а целых пять. Вот они: 1-й удар — с целью прорвать оборону немцев на реке Лама и наступать на Сычевку совместно с Калининским фронтом (кстати, Калининский фронт и не думал вести какие-либо активные действия на этом направлении); 2-й удар — с целью прорвать оборону на реке Лама и захватить Гжатск; 3-й удар — с задачей прорвать оборону на реках Руза и Нара и овладеть Можайском, Боровском, Малоярославцем, Медынью; 4-й удар — наносится по Юхновской группировке противника с целью овладеть Юхновым и отрезать немецкую группировку (выталкиваемую третьим ударом); наконец, 5-й удар — наносится с целью захвата районов Киров, Мосальск, Сухиничи и выхода на рокаду Вязьма, Киров»²³.

Мнение в обоих случаях достаточно аргументированное и авторитетное. Но давайте перейдем от общих рассуждений к конкретике. О каком «одном мощном кулаке» может идти речь? Зимой 1941 /42 г. у Красной Армии не

было самостоятельных механизированных соединений, и это делало не имеющими перспективы глубокие удары. Немцы могли осуществлять такие операции, как окружение Западного и Резервного фронтов под Вязьмой в октябре 1941 г. за счет наличия танковых групп. Объединенные в танковые группы моторизованные корпуса имели в своем составе танковые и моторизованные дивизии, пригодные для прорыва в глубину крупных масс танков и мотопехоты. Именно танковые группы были теми самыми «мощными кулаками», которые могли выполнить те задачи, о которых пишет Васильченко и Кононенко.

Создание «кулаков» из наполнявших армии начала 1942 г. стрелковых дивизий не давало нужного эффекта. Передвигающаяся пешком пехота не могла обеспечить достаточно быстрого продвижения вперед, чтобы противник не успел отреагировать и парировать это продвижение. Несколько более подвижные кавалерийские корпуса могли решать ограниченный круг задач — их ударные возможности были весьма ограниченными. В силу этих причин даже с использованием «костылей» в лице воздушных десантов темп продвижения «мощных кулаков» Красной армии оставлял желать лучшего. Это позволяло немцам перебрасывать резервы, останавливать наступление, а затем отсекал вторгшиеся в построение их армий «аппендиксы».

За примерами далеко ходить не приходится. Ударная группировка Юго-Западного и Южно-го фронтов в составе нескольких армий в ходе Барвенковско-Лозовской операции под Харьковом пробилась довольно глубоко, но окружения крупных сил противника в Донбассе не получилось. Точно так же довольно глубоко продвинулась 2-я ударная армия Волховского фронта, но запланированного окружения вновь не получилось. Впоследствии обе ударные группировки были отрезаны и уничтожены, соответственно в мае 1942 г. и в июне 1942 г. Стандартным приемом немцев, уменьшавшим результативность наступлений зимой 1941 /42 г., являлось удержание «угловых столбов» в основании прорыва. Немцы всегда находили населенный пункт, находящийся поблизости от советского прорыва и стягивали к нему крупные силы, обеспечивая плотную оборону. Обходя узлы сопротивления в начальный период операции и отказываясь от «лобовых атак», советские войска увязали впоследствии в позиционных боях за «угловой столб».

В любом случае «угловой столб» суживал прорыв, облегчая обрезание его горловины, а также оставлял за немцами контроль крупной коммуникацией, идущей к прорвавшимся в глубину построения немецких войск советским армиям. Например, в случае с Харьковом таким «угловым столбом» был Славянск. Он как суживал горловину барвенковского выступа, так и перехватывал крупную транспортную артерию, проходящую через него. Сужение горловины прорыва впоследствии позволило относительно слабой группе Клейста обеспечить окружение войск трех советских армий под Харьковом в мае 1942 г. Сражения за «угловые столбы» были типичными для наступлений на других фронтах и неизбежно превращались в кровопролитные позиционные бои.

Командующий Западным фронтом Г. К. Жуков понимал или по крайней мере чувствовал все эти моменты. Поэтому он не воспользовался советом полковника Васильченко и не создал сильной ударной группировки на левом фланге фронта (очевидная альтернатива «растопыренным пальцам»). Жуков предпочитал наносить ряд ударов на небольшую глубину, призванных нашинковать фронт противника на ряд мелких «котлов». Он понимал, что без крупных самостоятельных механизированных соединений прорыва в глубину и окружения крупных сил противника достигнуть практически невозможно. Поэтому Г. К. Жуков перепланировал на ходу операцию Калининского фронта, когда стал командующим Западным стратегического направления. Выполняя директиву Ставки ВГК, командующий Калининским фронтом И. С. Конов собрал «один мощный кулак» в лице 39-й и 29-й армий и направил его к Вязьме. Города Вязьма и шоссе Вязьма — Смоленск достигает только кавалерийская группа Горина, перехватить его она не может. В ответ немцы 29 января начинают контрнаступление и в начале февраля отсекают эти две армии от основных сил фронта. Только успешное наступление Северо-Западного фронта позволяет избежать катастрофы.

Получив в свое подчинение Калининский фронт, Жуков видоизменяет форму операции. Вместо попытки образовать громадный котел в треугольнике Вязьма — Ржев — Юхнов он решил нарезать группировку немецкой 9-й армии на несколько частей. Так, 20-я армия получила задачу выйти в тыл немецкой группировке в районе Ржева, 5-я армия должна была нанести удар на Сычевку навстречу 39-й армии. Тем самым

уменьшалась глубина продвижения в оборону противника, и задача создания окружения становилась ближе к реальности. Жуков даже в соображениях о проведении совместного наступления Западного и Калининского фронтов писал: «Для более успешного проведения операции ржевско-вяземскую группу противника расчленить на две части...» Уменьшение глубины задач также облегчало маневрирование направлением главного удара: неудачи 20-й армии в феврале 1942 г. заставили Г. К. Жукова перенести участок прорыва в полосу соседней 5-й армии.

В заключение хотелось бы сказать о 33-й армии М. Г. Ефремова. По мнению автора, этой странице Московской битвы в последние десятилетия уделяется чрезмерное внимание, совершенно непропорциональное ее реальному месту и масштабам. Так называемая «западная группировка» 33-й армии, отрезанная от основных сил фронта, насчитывала всего 12 780 человек на 11 марта 1942 года²⁴. Потери 33-й армии с 1 февраля по 10 марта 1942 г. составили 5245 человек²⁵. Для сравнения, потери всего Западного фронта за тот же период, с 1 февраля по 10 марта 1942 г., составили 165 800 человек²⁶. То есть потери армии М. Г. Ефремова составили 3,1% потерь войск Западного фронта. Почему же этой армии уделяется непропорционально большое внимание? В начале 1942 г. Западный фронт вел напряженные позиционные бои в условиях нехватки боеприпасов и без значительного превосходства над противником. Некоторые цифры: 43-я армия с 1 марта по 1 апреля 1942 г. потеряла 24 608 человек, в том числе 6206 человек убитыми и 1033 человек пропавшими без вести²⁷. 50-я армия теряет в феврале 13 604 человека, в марте — 16 334 человека. 50-я армия за апрель 1942 г. потеряла 49 401 человека, в том числе 17 962 человек безвозвратно, то есть убитыми и пропавшими без вести²⁸. Заметим, что только безвозвратные потери армии И. В. Болдина в апреле 1942 г. с избытком перекрывают численность «западной группировки» 33-й армии, судьба которой стала предметом множества исследований.

Ограниченные успехи советских войск в Ржевско-Вяземской операции января–апреля 1942 г. объясняются в первую очередь объективными причинами: соотношением сил, нехваткой боеприпасов, неразвитостью тактики штурмовых групп. Субъективные факторы играли куда меньшую роль, чем иногда представляется в некоторых современных исследованиях.

- ¹ Бешанов В. В. Год 1942 — «учебный». Мн.: Харвест, 2003. С. 126.
- ² Кривошеев Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века. С. 277.
- ³ Операции советских вооруженных сил в ВОВ, Т. I. М., Воениздат, 1958. С. 441.
- ⁴ Операции советских вооруженных сил в ВОВ, Т. III. М., Воениздат, 1958. С. 307.
- ⁵ Zetterling N. Normandy 1944. German Military Organization, Combat Power and Organizational Effectiveness. J. J. Fedorowicz Publishing, Inc., 2000. P. 32.
- ⁶ Ibidem.
- ⁷ Операции советских вооруженных сил в ВОВ, Т. I. М., Воениздат, 1958, С. 525.
- ⁸ Вернидуб И. И. На передовой линии тыла. М., ЦНИИИТИКПК, 1993. С. 260.
- ⁹ Операции советских вооруженных сил в ВОВ, Т. II. М., Воениздат, 1958, С. 277.
- ¹⁰ Составлено автором по ведомостям ГАУ КА (ЦАМО РФ, ф. 81, оп. 12075, дд. 43,307).
- ¹¹ Jentz T. Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1933–1942. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996. P. 209.
- ¹² ЦАМО РФ, Ф. 208, оп. 2511, д. 1048, л. 104.
- ¹³ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15(4(1)). М., Терра, 1997. С. 319.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Роковые решения. Поход на Сталинград. СПб.: ООО «Издательство „Полигон“», 2000. С. 129.
- ¹⁶ Там же. С. 130.
- ¹⁷ Там же. С. 126.
- ¹⁸ Бешанов В. В. Год 1942 — «учебный». Мн., Харвест, 2003. С. 76.
- ¹⁹ Белов П. А. За нами Москва. М., Воениздат, 1963. С. 168.
- ²⁰ Белов П. А. Указ. соч. С. 164.
- ²¹ Г. К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. М., Мосгорархив, 1994. С. 94.
- ²² Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15(4(1)). М., Терра, 1997. С. 227.
- ²³ Свердлов Ф. Д. Ошибки Г. К. Жукова (год 1942). М., Монолит, 2002. С. 34–35.
- ²⁴ Военно–исторический архив, № 3. С. 160.
- ²⁵ Военно–исторический архив, № 3. С. 162.
- ²⁶ Подсчитано автором по ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2579, д. 22, лл. 79, 80, 82, 89.
- ²⁷ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2579, д. 22, л. 87.
- ²⁸ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2579, д. 22, л. 98.